

ЭПИЛОГ

Вот факты, ставшие известными в последующие дни.

Пожарные, прибывшие на место происшествия, боролись с огнем до самого утра 9 августа, но тщетно: «Мемориал Сакитани» сгорел практически полностью. В здании и рядом с ним было обнаружено шесть мертвых тел.

Их личности и местонахождение:

Кенсаку Нумата Хозяин. Внутри здания (в кухне).

· Манабу Маэдзима Школьник. На переднем дворе.

· Идзуми Акадзава Школьница. На переднем дворе.

· Сигеки Ёнэмура Школьник. На переднем дворе.

· Такако Сугиура Школьница. Внутри здания, в восточном крыле. Вероятно, находилась в комнате 221 (где жила с Акадзавой).

· Дзюнта Накао Школьник. Внутри здания, в восточном крыле. Вероятно, находился в коридоре второго этажа.

Судебно-медицинская экспертиза показала, что ни один из них не умер в результате пожара.

Хозяин, Нумата-сан, получил множественные проникающие ранения в спину и шею металлическими вертелами, что и послужило причиной смерти, и лишь затем сгорел. Из пяти остальных (все они были школьниками) четверо – Маэдзима, Ёнэмура, Сугиура и Накао – умерли от потери крови в результате множественных колотых и резаных ран, нанесенных острым предметом. Смерть Акадзавы наступила в результате перелома позвоночника при падении с балкона второго этажа.

Множество улик и показания свидетелей позволили с высокой степенью достоверности заключить, что все шесть убийств совершила Миеко, супруга Кенсаку Нуматы, обслуживавшая «Мемориал Сакитани» вместе с ним. Предположительно она же разлила керосин в кухне и совершила поджог после того, как убила Нумату-сана. Тибики-сан задержал убийцу, однако она скончалась до прибытия полиции. Она откусила себе язык в попытке суицида, и эта попытка увенчалась успехом.

Почему Миеко Нумата совершила все эти преступления в ту ночь? Были ли у нее какие-то психические отклонения? Так или иначе, причина произошедшего осталась загадкой.

*

Вакуй, у которого случился приступ астмы 8 августа во время ужина, выжил благодаря помощи, своевременно оказанной ему в больнице, куда его отвез Тибики-сан. На вопрос, почему он не проверил, сколько лекарства осталось в его ингаляторе, он ответил, что его самого это удивляет.

Кадзами, внезапно пострадавший из-за глупого недопонимания своего лучшего друга, серьезных травм не получил, отделавшись лишь вывихнутой лодыжкой. При падении он ударился головой, однако тщательное обследование показало, что, кроме значительного

кровотечения, других последствий этот удар не имел. Я пока что не в курсе, как он и Тэсигавара уладили свои дела. Но, учитывая их характеры, сдается мне – вряд ли они рассорились начисто.

*

Причиной острой боли, которую испытал я, Коити Сакакибара, был, как и предполагалось, спонтанный пневмоторакс левого легкого, который привел к более серьезному коллапсу, чем предыдущие два. Я не полностью потерял сознание, но боль и удушье, которые продолжались, пока мне не оказали помощь в больнице, были просто адскими... Поэтому, честно говоря, я мало что помню из тех событий – что произошло сразу после разрыва легкого, как меня спасли...

Так или иначе...

Когда мое состояние более-менее стабилизировалось, а сам я успокоился в достаточной степени, чтобы вернуть себе способность думать, я обнаружил вокруг себя знакомую палату в знакомой больнице близ Юмигаоки, где лежал всего несколько месяцев назад.

Бабушка примчалась сразу, как узнала, что я здесь; она переговорила с врачом, и тот предложил мне пойти на хирургическую операцию. Он считал, что операция – оптимальный выход, который позволит избежать в будущем новых рецидивов. С моим отцом, который сидел у себя в Индии, ни о чем не подозревая, быстро связались, получили согласие, и через два дня меня уже прооперировали.

Сейчас, в отличие от прежних времен, такого рода операции на легких делаются торакоскопическим путем. Во мне проделали несколько дырок размером по сантиметру, ввели через них эндоскоп и всякие другие инструменты и провели операцию извне. При этой методике нагрузка на пациента гораздо ниже, чем при операции на открытой грудной полости, и восстановление тоже проходит намного быстрее.

Операция прошла успешно, без осложнений. Выздоровление тоже шло быстро, и вскоре мне сообщили, что выпишут через неделю.

*

Мей с Мотидзуки навестили меня 15 августа, всего за три дня до выписки. Наверняка они об этом не задумывались, но ровно в этот день много лет назад в нашей стране закончилась большая война.

– ...И все-таки, – заговорил Мотидзуки. – Понять не могу, что заставило Нумату-сан вдруг резко взять и свихнуться. За ужином она вела себя совершенно нормально.

Так вот и получилось, что события той ночи сами собой стали темой разговора. Мотидзуки, как только узнал о пожаре, выбежал через запасной выход в западном крыле здания. А потом направился к главным воротам, где, судя по всему, самую малость разминул со мной, когда я бежал к Мей.

– Это мы уже не узнаем, она ведь умерла. Так полицейские сказали.

Позавчера меня навестил следователь Оба из криминальной полиции Йомиямы. От него-то я и узнал подробности происшествия.

- Я слышал, она откусила себе язык, - произнес Мотидзуки; его лицо исказилось от явного отвращения. - Что за жуткий способ самоубийства.

- Иногда, когда человек откусывает себе язык, этот кусок застревает у него в горле, и он задыхается. Вроде бы с Нуматой-сан это и случилось.

- Хмм...

- Так что у нас семь «жертв августа».

Услышав это заявление Мей, я склонил голову набок.

- Семь? Ты считаешь и Нумат?

- Тибики-сан выяснил, что они приходятся бабушкой и дедушкой Такабаяси-куну. По материнской линии.

- Ээ. То есть это значит...

Икуо Такабаяси, умерший от сердечного приступа в июне.

- Раз так, значит, они его родственники в пределах двух колен. То есть они связаны с классом и в «зоне охвата». Кстати, они стали ухаживать за гостиницей лет десять назад. Так что во время того лагеря, который был пятнадцать лет назад, там работал кто-то другой.

Чувствуя почему-то полное уныние, я вздохнул. Потом осторожно погладил сквозь пижаму грудь - там еще ощущались отверстия от операции.

- Конечно, это просто совпадение, - сказала Мей и вздохнула, в точности как я только что. - Вряд ли стоит думать, что тут вмешалась какая-то злая воля.

- Это Тибики-сан сказал?

- Тибики-сан наверняка бы так сказал.

- ...В общем, это, - снова вмешался Мотидзуки. - Я рад, что тебе лучше, Саакибара-кун. Когда я услышал, что тебе будут делать операцию, я очень беспокоился за тебя.

- Да операция-то ерундовая была, - ответил я с самым беззаботным выражением лица, какое только смог соорудить; однако в глазах Мотидзуки все равно стояли слезы.

- Но слушай, у нас же в этом году «катастрофы», так что после любой операции может быть куча жутких осложнений.

- Добрый ты очень, пацан. Но все нормально. «Катастрофы» кончились.

- Серьезно? - Мотидзуки перевел взгляд с меня на Мей, на его лице было написано нескрываемое подозрение. - Мисаки-сан тоже так говорит... но все равно...

- Думаю, «лишний» в ту ночь погиб при пожаре.

- Мисаки-сан тоже так говорит. Но я вот не знаю... - Мотидзуки моргнул слезящимися глазами, скрестил руки на груди и нахмурился. - Это один из пяти наших, кто тогда умер? Хотя нет - ведь если верить словам Мацунаги-сана на кассете, когда «лишний» умирает, он тут же

исчезает начисто. Хмм...

– Значит, «лишний» существовал до той ночи, но сейчас мы уже не помним, кто это, – сказал я ему, изо всех сил отгоняя печаль. Потом, чуть сменив тон, спросил: – Сколько народу участвовало в поездке?

– Ээ... четырнадцать. Пятнадцать, если считать с Тибики-сэнсэем.

– Наверняка было шестнадцать. Просто этого уже никто не помнит.

Никто... никто, кроме нас с Мей, слишком сильно причастных к ее смерти.

Ни Мотидзуки, ни Тэсигавара, ни Тибики-сан... никто ее больше не помнил. Ни один человек не помнил, что учительница рисования Рейко Миками существовала с апреля и помогала руководить классом 3-3. Что она стала исполнять обязанности классного руководителя после смерти Кубодеры-сэнсэя, что с трудом помнила про себя саму пятнадцатилетней давности, что запланировала летний лагерь – жест отчаяния с ее стороны, судя по всему, – и что приглядывала за нами в тот вечер.

Все это я узнал из телефонного разговора с Мей. За день до операции я не без труда сбежал из палаты и позвонил Мей домой по зеленому больничному телефону. Мой мобильник был в палате, но у него сдох аккумулятор, и звонить по нему я не мог.

Трубку взяла Кирика-сан и, как обычно, передала дочери.

«Про Миками-сэнсэй все забыли, – первым делом сказала Мей, даже не спросив, как у меня дела. – Все говорят, что она умерла осенью два года назад».

– Два года назад...

«Да. Тот парень, Сакума-сан, прекратил «не существовать» сразу после летних каникул; в начале октября умер один из учеников... а потом Миками-сэнсэй. Говорят, она утонула в реке. По-прежнему не помнишь?»

– Утонула?..

«В конце октября было много дождей, река вышла из берегов. На следующий день ее тело нашли ниже по течению. Неизвестно, она утопилась или случайно упала...»

– ...

«Я этого тоже не помню, но это действительно произошло. Человек, связанный с классом, умер из-за «катастрофы» два года назад. То есть всего их в том году было не семь, а восемь. И у всех воспоминания пришли в норму. И куча записей и документов. Все, наверное. Я посмотрела список класса – там, где было написано «Помощник классного руководителя: Рейко Миками», тоже ничего нет».

– Значит, она и правда была...

Вот самое надежное доказательство того, что Рейко-сан и была «лишним».

«Все считают, что после смерти Кубодеры-сэнсэя временным классным стал Тибики-сан. Это исключение из правил, и он параллельно продолжал работать в дополнительной библиотеке. И еще говорят, что Тибики-сан спланировал наш лагерь и руководил нами... он один».

– А рисовальный кружок? – задал я вопрос, неожиданно пришедший мне в голову. – Что сейчас с кружком, ведь его только в апреле открыли заново?

«После смерти Миками-сэнсэй учитель, который курировал кружок вместе с ней, действительно перевелся на следующий год. А новый учитель рисования сказал, что не хочет вести кружок, и его приостановили. А теперь говорят, что этой весной тот учитель согласился».

– Ясно.

Главное о Рейко-сан я понял, еще когда бабушка примчалась в больницу. Она ни разу не поинтересовалась безопасностью дочери, поехавшей с нами, а лишь терла глаза и повторяла: «Ах, если бы Рейко была жива».

Еще бабушка сказала: «Ты же знаешь, какая она была, Коити-тян. Ты для нее был все равно что родной сын. Она даже говорила, что, если бы Ёске-сан оказался плохим отцом, она бы тебя отобрала у него и сама вырастила. Хотя она тебя очень редко видела, когда ты был маленьким».

Интересно, как сейчас выглядит задний домик, где жила Рейко-сан.

В течение коротких четырех месяцев она продолжала жить в этом городе, в этом доме – «мертвец, обретший плоть». Какие-то следы этого должны же... хотя нет, все должно было исчезнуть. Или обрести какую-то другую суть, другое значение.

«Обон уже кончается, но, когда ты выпишешься, не хочешь навестить могилу Рейко? – предложила бабушка, и мне с огромным трудом удалось не отвести глаз. – Уверена, она будет счастлива, если ты придешь вместе со мной».

...

...

Я решил, что вполне нормально будет, если я расскажу Мотидзуки, Тэсигаваре и Тибики-сану о том, что на самом деле было. Хотя у меня такое ощущение, что – Тибики-сан ладно, а для остальных, как ни старайся, все это останется чем-то нереальным.

*

Не знаю, пытался ли Мотидзуки проявить тактичность или еще что, но он ушел домой первым, оставив нас с Мей наедине. Уже уходя, он вдруг пробормотал: «Ах, да», – и достал что-то из сумки.

– Я хотел вот это тебе дать. Мисаки-сан, тебе я тоже сделаю.

Мотидзуки протянул мне «фото на память», которое мы сделали вечером 8 августа перед воротами «Мемориала Сакитани».

– Скажи, Мисаки – когда ты узнала? – дождавшись, когда Мотидзуки уйдет, я задал Мей вопрос, который меня интересовал все время, что я тут валялся. – Ну, что Миками-сэнсэй... Рейко-сан и есть «лишний»? Когда ты?..

– Когда? – Мей театральным жестом приложила руку ко лбу. – ...Не помню.

- Почему ты мне не сказала? – спросил я, серьезно глядя на нее.

- Я считала, что, даже если скажу, лучше от этого никому не будет. Пока не услышала ту кассету... Кроме того... – рука Мей перекинулась со лба на повязку поверх левого глаза. – Я просто не могла тебе рассказать. Как я могла? Миками-сэнсэй была так похожа на твою маму, которая давно умерла. Когда я увидела школьный альбом и те фотографии, которые ты мне дома показал... я подумала: это же просто одно лицо. Ты очень любил ее, правда? Миками-сэнсэй... Рейко-сан.

- Угу... но...

- Что «но»?.. Ты нашел кассету, и я узнала, что «катастрофы» можно остановить, и... вот почему.

«Вот почему»... Да, ей пришлось чертовски тяжело.

Если вернуть «мертвого» в мир мертвых, «катастрофы» прекратятся. Кто же он? Она уже знала, кто. И что она должна была сделать? Что ей нужно было сделать?

Чтобы укрепить свою решимость, она захотела сама прослушать кассету Кацуми Мацунаги, лично услышать его слова. А еще до этого она собственными глазами посмотрела на групповое фото класса 3-3 двадцатилетней давности и удостоверилась, что Мисаки Ёмияма обладает «цветом смерти». Так она в одиночку все выяснила и попыталась в одиночку со всем покончить...

- Когда я тебе отсюда звонил, – я решил слегка сменить тему, – я сперва набирал твой мобильный, но не мог дозвониться.

- Да. После той поездки я его выбросила в реку, – будничным тоном ответила Мей. – Кирике... матери потом сказала, что он потерялся при пожаре.

- Почему ты его выкинула?

- Потому что... да, я согласна, он удобный, но все равно это ужасная машинка. Быть связанной с другими все время – это совершенно лишнее.

С этими словами она чуть заметно улыбнулась – и при виде ее лица мне живо вспомнилась наша с ней первая встреча в конце апреля в больничном лифте.

- Хотя, наверное, она скоро заставит меня завести новый.

- Когда заведешь, можно я буду тебе звонить иногда?

- Только иногда, – и Мей снова едва заметно улыбнулась.

«Не хочешь как-нибудь вместе пройтись по токийским картинным галереям?» Я хотел так сказать, но проглотил слова.

Как-нибудь... когда настанет это «как-нибудь»? Сейчас, в отличие от того, что было раньше, этот вопрос уже не вызывал у меня тревоги.

Когда-нибудь... Я знал, что когда-нибудь в будущем снова встречу с Мей. Я чувствовал. Даже когда я уеду отсюда будущей весной. Даже если мы при расставании не пообещаем друг другу чего-то конкретного. Даже если связь между нами, которую я сейчас чувствовал, оборвется. Я

знал, что когда-нибудь мы снова встретимся.

*

Потом мы вдвоем принялись смотреть фотки, которые дал Мотидзуки.

Их было две. Первую сделал сам Мотидзуки, вторую – Тэсигавара. В нижнем правом углу была дата.

На обоих снимках стояло пять человек.

В центре был столб с табличкой «Мемориал Сакитани». По обе стороны от него на первой фотке стояли (справа налево) я, Мей, Кадзами, Тэсигавара и Миками-сэнсэй – Рейко-сан. На второй место Тэсигавары занимал Мотидзуки, который, как скомандовал тогда Тэсигавара, держался вплотную к «любимой Миками-сэнсэй»...

– Рейко-сан здесь видна, – глядя на фотки, произнес я, чтобы Мей подтвердила. – А Мотидзуки наверняка ее не видит.

– Угу, – кивнула она.

– А цвет? – спросил я. – Как Рейко-сан тут выглядит?

Мей сняла повязку с левого глаза и снова всмотрелась в фотку. Потом тихо ответила:

– «Цвет смерти».

– ...Ясно.

Я вылез из кровати, подошел к окну и приоткрыл створку. День был ясный и солнечный, однако ветерок почему-то оказался прохладным.

– Наверно, мы тоже скоро станем забывать, – произнес я, снова повернувшись к Мей. – Конечно, забудем, что произошло той ночью. И все остальное про Рейко Миками, что произошло между апрелем и той ночью, – тоже забудем. Как Мотидзуки и остальные.

...Даже то, что я собственными руками вернул ее в мир мертвых.

– И даже если мы сделаем, как Мацунага-сан пятнадцать лет назад, – запишем все, что помним, – скорее всего, самые важные части исчезнут, как на той кассете.

– Скорее всего, да, – чуть кивнула Мей, вернув повязку на место. Потом спросила: – Ты так сильно хочешь это все помнить? И никогда не забывать?

– ...Не знаю.

Забывать было бы лучше. Мне и самому так казалось. Даже сейчас в груди чувствовалась боль, не имеющая никакого отношения к легким. Если забвение означает, что эта боль когда-нибудь утихнет... может быть. Но все-таки...

Я медленно отвернулся к окну. Две фотографии по-прежнему были у меня в руках. Кинув на них еще один взгляд... я задумался.

Не знаю, случится это через несколько дней, через несколько месяцев или даже через

несколько лет. Но если когда-нибудь вся информация о «лишнем» сотрется из моей памяти...

В тот день...

Что я увижу на пустом месте, которое появится на этих фотках? Что я буду чувствовать?

Легкий порыв ветра влетел в приоткрытое окно и растрепал мне волосы. Да, на удивление прохладный ветер.

Последний летний ветерок. Такая мысль мелькнула у меня в голове, и я почувствовал, что мое пятнадцатое лето подходит к концу.

<http://tl.rulate.ru/book/89941/2883822>